

«Мечты не для бедных, — говорила моя бабушка. — Мечтать можно тем, у кого на это есть средства, а тем, у кого средств нет, лучше этими глупостями не заниматься. Какой смысл хотеть чего-то, что тебе никогда не будет доступно? Я вот всегда мечтала о сыне. Думала, назову его Артемом. А у меня две дочери, одну из которых я не люблю». Я в этих разговорах особого участия не принимала. Говорить бабушке, что суть мечтаний как раз и заключается в том, чтобы хотеть чего-то недоступного, было бесполезно. Она бы на это сказала: «Без сопливых скользко и без лысых светло». Бабушка мнения не меняла никогда. Эта женщина много лет успешно рулила своей жизнью, попутно помогая с этим всем, кто входил в ее ближний круг, а именно — мне и своей младшей дочери Ларисе.

Я и Лара не имели права голоса. Всем заправляла бабушка. Мы к этому давно привыкли и смирились. У меня вариантов в принципе не было, я жила с бабушкой в одном доме, а Лара, хоть и дистанцировалась на целых пятьсот метров, все равно зависела от решений своей матери. Впрочем, не сказать, что мы были против. Когда кто-то вместо тебя думает очень удобно.

Жить без мечтаний было, конечно, гораздо проще и мне, и Ларисе, и моей бабушке. Это была безопасная, тихая, предсказуемая жизнь. А все потому, что мы были бедны, и перспективы как-то приумножить свой достаток у нас не было. Я была школьницей, бабушка — учи-

телем английского в моей школе, никаких других источников дохода у нас не было. Мы балансировали на грани бедности, то и дело сваливаясь за нее.

Лариса, пусть и формально, но все же имела шанс «выбиться в люди». В какой-то момент она тайком от бабушки открыла пункт выдачи заказов с маркетплейсов, чем страшно ее разозлила. Денег это не приносило, но Лара старалась. А еще она очень хотела замуж, но так и не смогла никого встретить. Всею виной была ее внешность так она думала. Тетя не считала себя красавицей. Тайком от бабушки она говорила мне, что для привлечения мужского внимания нужно прибегать ко всяким женским штучкам, вроде маникюра, макияжа, укладок и так далее. Но бабушка была категорически против всего этого, и Ларисе приходилось ловить ухажёров на то, чем бог наделил при рождении. А поскольку в ее случае он был скуп на красоту, серьезные отношения у нее так ни с кем и не сложились. Она тяжело переживала это и во всем винила свою мать, которая любую помаду воспринимала в штыки, и стоило тете хотя бы на тон сделать губы ярче, требовала стереть эту срамоту.

— Тебе хорошо, — вздыхала тетя, утирая слезы, — ты и без косметики симпатичная, а вырастешь, вообще красоткой будешь, вон какие волосы у тебя густые. А вот мне что делать?

Нельзя сказать, что мы жили совсем без мечтаний: какие-то их подобия у нас все же были. Например, мы мечтали о том, чтобы уголь не подорожал, и накопленных денег нам бы хватило на две тонны, которыми мы сможем отапливаться всю зиму. Или о том, чтобы был хороший урожай картошки, и мы могли жить спокойно и не переживать, что если закончатся деньги, придется голодать. Картофель в погребе был нашим золотым запасом и мог спасти в трудные времена.

Иногда я задумывалась, так ли бедны мы были. Почему буквально на всем экономили? Бабушка получала зар-

плату учителя. В связи с выслугой лет ей полагались значительные надбавки. На примере других учителей я видела, что они жили обычной жизнью, без опаски умереть голодной смертью, если вдруг решат себе позволить поход в парикмахерскую или в кинотеатр. Дополнительной статьей дохода в нашем бюджете, как позже выяснилось, была пенсия от государства, которую платили бабуле за то, что она оформила опеку надо мной.

Правда, она говорила, что не трогала ее, а откладывала мне на будущее.

Мы почти ничего не покупали, только самое необходимое. Еда была в основном вся выращена нами. Из покупного только крупы, мука, макароны, растительное масло и сладкое, но его было немного. Одежду мне обновляли раз в год, потому что я росла, бабушка себе вообще ничего не покупала. Если открыть фотографии с ее учениками за разные годы, можно увидеть, что она все время в одном и том же: три платья, два костюма.

Бабуля не была особо строгой, никогда меня не наказывала. У нас было одно негласное правило: жить, как она велит, и все будет хорошо. Я и жила. Без мечтаний, без устремлений, «тише воды, ниже травы».

— Чем меньше высовываешься, тем лучше живешь, — говорила она.

С детства мне повторяли одно и то же: не навязывайся, не проси, не объедай, не надоедай. Одни сплошные «НЕ». С одной стороны, этот подход к воспитанию формировал во мне независимость и привычку во всем полагаться только на себя, а с другой — возвращал во мне какую-то невероятную застенчивость. В привычной среде я была активной и веселой, но как только приходилось общаться с незнакомыми людьми, заливалась краской и теряла дар речи.

Могу сказать, что по таким принципам жили все, кого я знала. Хоть мы и считались городскими жителями, но город у нас был маленьким, и строений выше трех

этажей в нем не было. Из достопримечательностей — памятник Пушкину на центральной площади, фонтан, работающий через раз, и здание администрации, которое, в отличие от всех остальных домов, часто красили, отчего оно выглядело подчеркнуто странно на фоне остальной серости и нищеты.

Люди из нашего с бабушкой района тоже жили по этим законам «НЕ», но внутри сообщества мы все же могли нарушать нами самими придуманные правила. Мы иногда занимали друг у друга деньги, просили помощи в ремонте бытовой техники и даже время от времени ездили к кому-то в гости.

Ездить в гости считалось самым серьезным нарушением своих собственных принципов. И для бабули, и для меня это был целый подвиг. Мы с ней осознанно ехали к другим людям, как правило, к родственникам, заранее зная, что доставим им дискомфорт, нарушим их мир своим визитом. Более того, мы нарушим и свой мир этой поездкой. Но раз в год, чтобы совсем не одичать и для поддержания родственных связей, все же куда-то выбирались. Как правило, в соседний город, где у бабушки жила сестра с семьей. Мы в течение трех дней обходили их всех и возвращались домой с необыкновенной радостью и облегчением, что пытка гостями закончена.

Чтобы как-то сгладить доставляемые неудобства, мы везли с собой овощи с огорода, закрутки из погреба, замороженных кур, яйца. Яйца я любила возить больше всего, потому что их транспортировка требовала определенных усилий и была целым ритуалом. С тех пор, как мне исполнилось семь, их упаковкой занималась я. Для этого требовалось взять бидон, насыпать в него примерно три сантиметра пшеницы, затем на расстоянии одного сантиметра друг от друга уложить яйца, насыпать сверху еще немного пшеницы. И так несколько раз до самого края. Верхом профессионализма было уложить яйца так, чтобы в емкости их было максимум, пшеницы — мини-

мум. И главное, все должно было доехать в целости и сохранности. Распаковку своего подарка я не доверяла никому. Приехав в гости, сама аккуратно раскапывала яйца, выкладывая одно за другим. Делала я это так аккуратно, словно от целостности скорлупы зависела судьба мира. Дары мои были пыльными от зерна, но невредимыми. Пшеницу мы не выбрасывали, а в том же бидоне везли обратно и скармливали курам, которые несли эти самые яйца. Вот такой вот круговорот практичности.

Вокруг домика, в котором мы жили, был небольшой участок, каждый метр которого использовался по назначению. Мы выращивали все, что могла вскормить наша почва. Особое предпочтение, конечно же, отдавалось корнеплодам. Картошка, свекла и морковь были королевами огорода, далее по значимости шли капуста, лук и чеснок. Это было то, без чего мы не могли прожить. В случае, если бы какие-то неведомые силы заставили нас выбирать, что мы хотим выращивать на огороде, мы бы выбрали именно этот золотой список. В следующей по значимости категории находились огурцы, помидоры и сладкий перец — основа для многочисленных заготовок на зиму. Кабачки бабушка не любила, но они все равно у нас росли в огромном количестве: а вдруг неурожай картошки? На кабачках в таком случае можно было протянуть до нового года как минимум. Баклажаны в нашей с бабушкой иерархии считались баловством, экзотикой. Появились они в огороде как-то случайно, в рации не прижились.хлопот требовали много, а функцию стратегического запаса не выполняли, в отличие от картошки, капусты и тех же кабачков. Может, по этой причине бабушка называла баклажаны по-буржуйски «обержинами». Выращивали их ровно столько, чтобы хватило на пару банок «обержиновой» икры. Редиска, брюква, репа считались кокетством. Бабушка втыкала по краям грядки семена и говорила: «Взойдут — хорошо, не взойдут — и наплевать на них, не больно-то

и хотелось». Салаты, горчицу, петрушку бабушка считала оскорблением огорода, но конкретно в этом вопросе право голоса переходило ко мне. Я любила зелень и из скудных карманных денег, начиная с марта, откладывала средства на семена. Это был мой маленький протест против устоявшегося огородного тоталитаризма. Для моих «глупостей» бабушка выделила мне место около бани там я выращивала все виды зелени, которые могли выдержать наш не самый предсказуемый климат.

Чего у нас в огороде не было, так это фруктов и ягод. Отдавать ценные квадратные метры под яблоны, груши или, боже упаси, под кусты малины мы не могли себе позволить. Однако все это в изобилии было у нашей соседки тети Лизы. Она по непонятным для нас причинам не боялась умереть с голоду и большую часть своей территории засадила плодово-ягодными культурами. Я обожала соседские яблоки, они так вкусно пахли, так приятно хрустели, что я могла съесть их ведро. Но, чтобы получить эти самые яблоки: нужно было прийти и попросить, а просить ни я, ни бабушка не умели. Мы их выменивали на что-то, например, на букет из петрушки, укропа и листьев салата.

Однажды был такой случай. Наступил сентябрь, мы с бабушкой почти убрали огород, впереди нас ожидала пора зимних заготовок и засолки капусты. Яблок у соседки в тот год было необыкновенно много, они лежали на земле толстым слоем, гнили и вкусно пахли. Бабушка долго смотрела на них в окно. Видно было, что яблок ей тоже хочется, потому что она много раз говорила: «Одно съеденное яблоко гонит одного врача прочь». Речь, правда, шла о тех, что выросли в сезон, а не о тех пластмассовых, что круглогодично можно купить в магазине. Вот-вот должны были ударить первые заморозки, а мы еще не съели ни одного яблока. Можно было бы обменять фрукты на яйца, но тратить их на яблоки нам не хотелось, да и непрактично это было бы. С ку-

рами в тот год что-то случилось, неслись они плохо. Тогда бабушка предложила гениальный, по ее мнению, план. Я должна была пойти на рынок, купить большой арбуз. В сентябре они почти ничего не стоили, и мы с бабушкой могли покупать их без ущерба для нашего скудного бюджета сколько угодно. Затем мы съели бы часть арбуза, а оставшиеся от него семена я должна была отнести соседке и как бы невзначай спросить, нужны ли они ей? «Наши курицы любят арбузные семечки, значит, и соседские тоже должны их любить», — предположила бабуля. Лизавета, как мы полагали, согласилась бы взять миску семян на корм курам и, как воспитанная женщина, предложила бы взамен яблоки. Я в тот же день сходила на рынок и приволокла самый большой арбуз. Затем мы съели половину, а далее оставалось самое ответственное — визит к соседке.

— Ты только сразу не соглашайся, когда яблоки-то предложит, — учила меня бабушка, — скажи: «Да ну что вы, тетя Лиза, не надо, я же просто так». А когда она начнет настаивать, то, так уж и быть, согласись. Поняла?

Я кивнула, взяла миску с семечками и пошла проворачивать гениальный план. По дороге я думала, что, если бы мы просто попросили яблок, соседка, не моргнув глазом, насыпала бы нам грузовик.

Тетя Лиза щелкала семечки на ступенях, ведущих в дом. Сразу за ними был сооружен вольер, в котором топталось не меньше пятнадцати подросших цыплят.

— Добрый день, тетя Лиза. Мы вот с бабушкой арбуз съели, столько семечек в нем, просто ужас. Вам не надо?

Соседка вздрогнула, улыбнулась и закивала.

— Конечно, почему нет. Заходи.

Она махнула рукой.

План бабушки работал безупречно. Я открыла калитку, прошла по дощатому тротуару, минув тетю Лизу, открыла вольер и широким жестом рассыпала по нему арбузные семечки.

— Ты что творишь? С ума сошла?

Только тут до меня дошло, что, наверное, прежде надо было ее спросить, собиралась ли она вообще кормить своих кур нашими дарами.

— Им нельзя такое! У них особый корм! Это же Браммы! Я хотела эти семечки высушить на семена! Иди собирай! Что встала? Быстрее, пока не подавились!

Перепуганная и огорченная тем, что провалила план, я полезла к курам собирать арбузные семечки среди помета. Когда дело было сделано, мне хотелось плакать, потому что руки воняли и липли и от арбузного сока, и от отходов жизнедеятельности породистых кур. Миска снова была полна семян, я поставила ее на ступени и пошла домой. Стоять и ждать, когда мне предложат яблоки, было бы верхом неприличия. «Вот же бабушка расстроится», — думала я.

— Стой! — рявкнула тетя Лиза. — Вам яблоки не нужны? Не знаю, куда их девать. Ветки ломаются. Иди собери, да побольше, а то скоро замерзнут.

Домой я вернулась с полным ведром яблок. Выбирала самые лучшие, которые поспели, но были еще твердыми, не мятыми и не успели загнить на мокрой траве. Бабушка была счастлива. О том, что чуть не сорвала операцию, рассказывать я не стала.

Мы никогда не говорили о моих родителях. Это была закрытая тема. Когда мне было шесть, перед тем как пойти в школу, я в лоб спросила у бабушки, где мои мама и папа. Этот вопрос не требовал от меня каких-то особых усилий и волнений. Родителей у меня никогда не было. Они были как Дед Мороз или зубная Фея — вроде и есть, но это не точно. Как выглядели мама и папа, я понятия не имела. Но из разговоров бабули и Ларисы знала, что меня в подоле принесла Надя. Где она, что с ней, почему оставила меня, никто не рассказывал. Мама совершенно точно была жива, потому что, если бы это было не так, то бабушка добавляла бы к ее имени

слово «покойница». Так у нее было заведено. Мой дед был Васей-покойничком, умерший сосед, Геннадий Иванович — Генка-покойничек, бабушкина старшая сестра, которой не стало много лет назад — Клавдия-покойница. К имени моей матери это страшное слово не прибавляли. Значит, она где-то жила и здравствовала. Кто был моим отцом, я вообще понятия не имела. Отчество у меня было «Владимировна». Значит, отца звали Вовой. Ни одного Вовы я не знала. Фамилия моя была Ленская, а у бабушки — Ушакова. Никаких Ленских я тоже не могла припомнить.

— Ни отца, ни матери у тебя нет. Есть только я, поняла? В школе будут спрашивать — говори, что умерли.

— Они что, правда умерли?

— Откуда мне знать? Может, и умерли, да только мне не сказали.

На этом тема была закрыта раз и навсегда. В школе меня, конечно, спрашивали, почему я живу с бабушкой и где мои родители, но я всем выдавала тот самый вариант, которым меня снабдила бабуля перед школой.

В пятом классе эти разговоры вообще сошли на нет. Во-первых, потому что тема с годами себя исчерпала. А во-вторых, бабушка стала моим классным руководителем, и никому из одноклассников не приходило в голову лезть к внучке Зинаиды Павловны с вопросами.

Бабушка преподавала в нашей школе английский, но почти никогда не брала классное руководство сделала исключение только для моего класса. Я расстроилась, когда она мне об этом сообщила, но виду не подала. Мать или бабушка, которые работают в школе — это уже отдельный повод для стресса, а если еще и классный руководитель, тут точно не до дружбы с одноклассниками. Не говоря уже о том, что мне по определению запрещалось делать что-то, что хоть как-то могло скомпрометировать бабушку. Я училась с удвоенной силой, потому что никак не могла ударить в грязь лицом. Осо-

бенно тяжело мне давались точные науки. Формулы по физике и химии я выучивала наизусть, как стих. Выписывала в тетрадку словами: «Вэ равно эс, деленное на тэ, где вэ — это скорость, эс — это путь, тэ — это время». Чтобы запомнить, как это пишется, я придумывала ассоциации: v -ветер равен s -доллару, деленному на t -топор, t как раз на него походила.

С особым усердием я занималась английским, чтобы уж тут точно не казалось, что бабушка рисует мне пятерки безосновательно. Я первая выучила неправильные глаголы, каждый день зубрила наизусть какие-то новые слова и исправно работала над произношением. Два раза в неделю бабушка репетировала со мной чистоту межзубных звуков, добиваясь от меня идеала. Идеалом, конечно же, была она. Зинаида Павловна никогда не общалась с носителями английского языка, презирала американский английский, боготворила британский. Она, я уверена, не сомневалась, что ее межзубные лучше, чем у английской королевы.

Примерно к восьмому классу у меня сформировалась приблизительная картина моего происхождения: моей матерью была Надя — старшая дочь бабушки. Родила она меня от какого-то парня, с которым познакомилась на первом курсе. Где училась мать, я не знала, но предполагала, что в соседнем городе. Я появилась на свет, когда Наде было восемнадцать или девятнадцать. Видимо, не справившись с тяготами материнства в столь раннем возрасте, она отдала меня бабушке и навсегда самоустранилась. Образ жизни у нее был кошмарный, об этом говорили и моя тетя Лариса, и бабушка. Нельзя сказать, что они садились и обсуждали мать всё это произносилось иногда, между делом, на протяжении многих лет. Я, как ловец жемчуга, собирала крупинцы информации о матери, складывая из этого свое представление о ней. То бабушка, будучи в хорошем настроении, говорила: «Ну и волосы у тебя, Катюша, как у матери». Потом осекалась и замол-

кала. Из таких бабушкиных сентиментальных осечек я за годы узнала о матери многое. Конечно, в этой истории было что-то нечисто, но разобраться самостоятельно я в этом не могла, а спросить было не у кого. В какие-то годы интерес к родителям был ярче, а иногда я про них вообще не вспоминала. Примерно в пятнадцать я совсем перестала о них думать. Но однажды, придя из школы, обнаружила на ступенях целлофановый пакет, замотанный бумажным скотчем, поверх которого было написано, что это мне. Мои ладони вспотели, вместо радости или интереса я испытала страх. Сердце бешено заколотилось. Кто мог отправить этот сверток, а главное — что в нем?

ГЛАСА

Мне никогда в жизни не приходили никакие посылки. В детстве к нам раз в месяц заглядывал почтальон, приносил бабушке пенсию, но спустя какое-то время исчез, потому что пенсия стала приходиться на банковскую карту. Газет, а тем более журналов, мы не выписывали, и потому все отношения с почтой были оборваны в тот день, когда бабушка после долгих раздумий согласилась, что с карточкой гораздо удобнее. И вот, спустя годы, у меня в руках настоящая посылка. Мне в тот момент в голову не пришло, что положить ее на крыльцо мог и не почтальон вовсе, а вообще кто угодно. Но поскольку посылок до той поры я не видела, то и не знала, что на «настоящих» есть какая-то информация — имя отправителя, штамп и так далее. На этой не было ничего. Только имя поверх бумажного скотча.

Пока бабушка не вернулась, я быстро разорвала пакет у себя в комнате. Внутри оказалась дешевая старая кукла, похожая на Барби, только менее изящная. С первого взгляда было понятно, что ею кто-то уже играл длительное время. Волосы на голове были только по контуру,

а чтобы скрыть лысину, производитель собрал их в пучок на макушке и затянул резинкой. Там же, в пакете, была банка из-под кофе, плотно набитая какими-то тряпками. Я аккуратно вытащила их это оказалась кукольная одежда. Вручную были раскроены и сшиты вечерние платья, спортивная одежда, свадебный наряд, несколько пальто, шапочки, судя по всему, из носков, балетная пачка, футболки. Наряды были выполнены очень аккуратно, маленькими стежками, подвернут и подшит каждый край. Расшитый бисером, пайетками, бусинами, пуговицами, миниатюрный гардероб свидетельствовал, что тот, кто его шил, потратил на это много времени. Больше в пакете ничего не было. Я перебрала его весь, даже заглянула в карманы кукольных штанов, но никакого послания не обнаружила. Я помню, как разложила кукольные одеяния на ковре перед кроватью их было тридцать два. Глядя на этот дар, я пыталась угадать: что отправитель хотел этим всем сказать? Был ли в этом подарке какой-то тайный смысл? Может быть, что-то зашифровано? Я сортировала наряды куклы сначала по сезонности, поскольку в банке были и куртки, и пальто, и шубки, и вещи на лето. Затем я разбивала их по категориям: нижнее белье, повседневная одежда, верхняя, вечерние наряды. Но и это никакой информации мне не дало. Правда, кое-что все же удалось обнаружить. Большая часть гардероба была изготовлена из самых разных тканей, которые не повторялись, но вот следы лоскута, из которого была сшита пижама, обнаружили в виде бантика на шапке, кармана на джинсах, а также из него была сделана сумка через плечо. Видимо, этой ткани с орнаментом из синеньких цветочков у таинственного кутюрье было больше, чем остальных.

Говорить бабушке о находке я, конечно же, не стала, иначе она бы точно все выбросила. Много месяцев перед сном я переодевала куклу в разные вещи. Мне было пятнадцать, и возраст кукол давно миновал. Но в этот

раз то была не игра, а какой-то ритуал, момент соприкосновения с чем-то загадочным. Я придумала куклу имя — Надин. И жизнь у нее была поинтереснее моей. Надин ходила на свидания, ездила в отпуска, гуляла по торговым центрам, посещала дружеские вечеринки, покупала копчености на рынке, когда хотела. Для каждого повода у нее был свой наряд. Нетронутым оставалось только свадебное платье надевать его, не имея жениха, мне казалось странным. Так что Надин была не замужем.

Чем больше я думала о том, кто мог прислать мне подарок, тем чаще приходила к мысли, что это как-то связано с моей матерью. Ну кому еще нужно было передавать мне такой странный подарок? Только ей, думала я. В целом, все сходилось. Кукла была подарена мне в пятнадцать лет. В этом возрасте девочки в куклы не играют. А значит, оставить этот подарок мог только тот человек, который или не знал, сколько мне лет, или в представлении которого я по-прежнему оставалась ребенком. Я бы, может, и перестала обо всем этом думать, но однажды в «деле Надин» появился первый след.

Как-то вечером мы с бабушкой перебирали старые фотографии. В школе за успехи в учебе мне подарили большой красивый фотоальбом с целлофановыми кармашками. Я решила, что надо заполнить их своими снимками — от самых ранних до нынешних дней. Бабушке идея понравилась: она рылась в коробке, выискивая там мои фото.

— Это мы с тобой вырастили гигантскую тыкву! — улыбалась она, глядя на снимок. — Смотри, из нее тебе можно было дом сделать или карету, — она передала фото мне. — А это ты в костюме мухомора. Помню, как мы с Лариской до утра этот костюм делали.

На снимке я стояла у новогодней елки лицо было наполовину скрыто красной шляпой в виде гриба, поверх которого, помимо белых пятен из ваты, были наклеены сухие листья, веточки и даже улитка.

— Все в тот год были снежинками, а я мухомором, — вспомнила я и вставила снимок в кармашек.

— А тут тебе, наверное, год или два. Смотри, какие щеки.

Бабушка протянула фото, и тут меня словно током ударило. Маленькая я стояла на диване, смеялась, закинув голову, в руках у меня была та самая кукла из тайной посылки, и одета я была в сарафан с маленькими синими цветочками. Именно из такой ткани была пошита часть вещей Надин.

— Что с тобой? — бабушка отдернула руку с фотографией и посмотрела на изображение. — Что тебя так удивило?

— Не помню, чтобы у меня был такой сарафан, — промямлила я.

Бабуля снова посмотрела на фото.

— Да как бы ты такое запомнила, это же когда было-то? — она не почуяла подвоха. — Я вот его прекрасно помню. И куклу эту плешивую тоже. Ты с ней не расставалась. Когда она пропала, орала неделю. Мы тебе каких только не приносили, но ты ни одну не приняла, а потом успокоилась.

Тем вечером, перед сном, я снова достала кофейную банку, вытащила оттуда наряды, нашла среди них пижаму и приложила к фото. Сомнений не было. Пижамы Надин была пошита из моего сарафана, более того, сама Надин тоже оказалась моей старой знакомой. Кукла на фото и кукла из посылки были копиями друг друга.

От кого была эта посылка? От родителей? Если да, то что они хотели этим сказать? Почему не приложили письма? Я решила, что если было одно послание, значит, будут и еще. Но ни в тот год, ни в последующие больше ничего не получила.

Вскоре история перестала быть значимой: кукла вместе с гардеробом на долгие годы была спрятана в коробке под кроватью. Жизнь потекла своим чередом.

Мы с бабушкой продолжали существовать по принципу «не жили богато, нечего и начинать», но однажды все же решили пойти наперекор своим жизненным устоям.

Все мое детство мы ютились в небольшом деревянном домике. Он состоял из веранды, которая была и кладовой, и летней террасой, кухни и двух комнат. Та, что поменьше, называлась спальней, та, что побольше — залом. Я жила именно в нем. Потолок был низким, и достать до него можно было, подняв руку и слегка подпрыгнув. Зимой дом промерзал, и чтобы как-то сохранить тепло, мы плотным слоем укладывали на пол паласы, а на стены прибивали ковры. Выглядели ковры и паласы одинаково, но то, что лежало на полу, именовалось паласом, а то, что на стене — ковром. Обычно под ноги стелили то, что не жалко. Если висевший ковер со временем терял товарный вид, то он переключивался на пол и становился паласом. До тех пор, пока он находился на стене — это был ковер.

Я жила как принцесса Жасмин, только не во дворце, а в избушке на курьих ножках. В целом, так существовали многие наши соседи, и сказать, что на фоне всех мы были самыми бедными, нельзя. Но в какой-то момент — мне тогда было, наверное, двенадцать — на улице начались изменения, люди вдруг начали строить. А те, у кого на стройку денег не было, затеяли масштабные ремонты. Соседи меняли крыши. Вместо шиферных теперь вдоль улицы тянулись красивые синие из кровельного железа. Правда, «надеты» они были на те же старые халупы, но и до них со временем дошли руки. Еще через год почерневшие от старости деревянные стены облачились в сайдинг, и такие дома мне казались невероятно красивыми. Особенно я была в восторге от сочетания синей кровли и белых панелей. А если у хозяина такого дома находились деньги еще и на пластиковые окна, то моему восхищению вообще не было предела. Мы с ба-